

ГЕНРИХ БЕЛЛЬ В РУССКОМ КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ (ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ЧТЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Г. БЕЛЛЯ В СССР)

Работа посвящена анализу особенностей восприятия в 1956–65 году творчества Генриха Белля в СССР. Рассмотрен практически весь корпус публикаций, посвященных писателю и его творчеству в этот период, собрана и представлена соответствующая библиография. Сделан вывод о том, что в фокусе внимания советских переводчиков и литературоведов в рассматриваемые годы была гражданская позиция писателя.

Ключевые слова: Генрих Белль, культурное сознание, перевод.

G. L. Virina

HEINRICH BOELL IN THE RUSSIAN CULTURAL CONSCIOUSNESS (FIRST DECADE OF READING OF BOELL'S WORKS IN THE USSR)

The work is devoted to the analysis of peculiarities of the perception of Heinrich Boell's works in the USSR in 1956–65. Almost the entire corpus of publications dedicated to the writer and his works during the given period was analyzed; the corresponding bibliography was collected and presented. The author concludes that the Soviet translators and literary critics in the years under review were focused on the civil position of the writer.

Key words: Heinrich Boell, cultural consciousness, translation

Говоря о первых годах чтения произведений Генриха Белля нашими соотечественниками (а это 1956–1965 гг.), хотелось бы проанализировать, каким вошел этот писатель в русское культурное сознание, культурное сознание советского, тогда, человека. Что привлекало в его произведениях, на что обращали внимание?

Вспоминая эти годы, в своей статье о приходе в Россию творчества Франца Кафки Лев Копелев так опишет это время: «В годы «оттепели» были реабилитированы сотни тысяч политических заключенных — многие посмертно. Тогда же стали реабилитировать и тех писателей, художников, ученых — отечественных и зарубежных, — кто долгие годы был гоним, запрещен. Заново или впервые издавались книги Томаса Манна, Эрнеста Хемингуэя, Стефана Цвейга, Эриха Марии Ремарка, Леонхарда Франка и других авторов, которые до войны были известны у нас. Идеологическая цензура стала несколько слабее, возникали все новые бреши в стенах, которые должны были охранять заповедники социалистического реализма от разрушающего влияния Запада. Но чиновники «по делам культуры» все же установили четкие критерии: произведение зарубежного автора могло быть достойным переводом и издания, только если его признавали «прогрессивным», «жизнеутверждающим», «народным», «оптимистическим», «развенчивающим бесчеловечное буржуазное общество»; всего лучше, если удавалось вычитать в нем хотя бы между строк стремление к социальной справедливости или предчувствие социальных революций, С помощью таких общих фраз удавалось пропустить к советским читателям многих

хороших зарубежных авторов. Сперва в толстых журналах, а потом и в книжных изданиях пришли к нам новые зарубежные писатели: Вольфганг Борхерт, Генрих Белль, Грэм Грин, Уильям Фолкнер, Антуан де Сент-Экзюпери, Ганс Вернер Рихтер, Зигфрид Ленц, Габриэль Гарсиа Маркес и другие. Даже великий революционный поэт Бертольт Брехт стал по-настоящему известен в России только после 1956 года: чиновники, ведавшие издательствами и театрами, считали его «модернистом-формалистом», к тому же идеологически неблагонадежным» [14, с. 390].

Первой публикации произведений Белля по-русски не заметят ни читатели, ни исследователи. В 1951 году писатель получит премию «Группы 47», а в мартовском номере журнала «В защиту мира»¹ в 1952 году появится рассказ некоего Генриха Болля «Весьма дорогая нога». В короткой сноске на первой странице рассказа будет сказано, что «автор этого короткого рассказа, напечатанного в журнале «Франкфуртер Рундшау», который издается в Западной Германии, получил в этом году литературную премию «Группы 47». Недавно вышел в свет его первый роман “Wo warst du, Adam?” («Где ты был, Адам?»), выпущенный издательством Фридриха Миддельгауфа» [7]. Журнал, издаваемый на русском языке в Москве издательством «Иностранная литература», дал практически графическую кальку перевода фамилии автора, что, вероятно, еще больше осложнило для последующих исследователей идентификацию автора рассказа.

Можно предположить, что именно это, как и малая известность самого журнала в нашей стране, привели к тому, что в апрельском номере «Нового мира» за 1956 год появляются два рассказа Белля тоже снабженные редакционным примечанием, только в данной ситуации оно предвещает текст публикации^[4]. В преамбуле отмечается, что это «западногерманский писатель младшего поколения», рисующий «маленького человека» капиталистической Германии с позиций того высокого гуманизма, который был свойственен таким выдающимся писателям Германии XX века, как Гауптман, Фаллада, Томас Манн. <...> Писатель не подымается до больших социальных обобщений, которые могли бы указать выход «маленькому человеку», зажатому в тиски мрачной капиталистической действительности. Но страстность, с которой Белль бичует пороки капиталистического общества, его ненависть к несправедливости, угнетению и, наконец, ярко выраженная антимилитаристская направленность его книг делают творчество Белля таким близким всем прогрессивным людям Германии. Произведения Генриха Белля на русском языке печатаются впервые» [4, с. 175].

Это предисловие, несмотря на очень малый объем, можно сказать, задало основные направления размышлений о творчестве немецкого писателя. Так он сразу оказался вписан для русскоязычного читателя не только в контекст немецкой литературы (Ганс Фаллада², Томас Манн³, Герхард Гауптман⁴), но и в контекст понятных и знакомых с детства тем русской литературы.

Следующей журнальной публикацией, посвященной Беллю, как и первой публикацией о нем в журнале «Иностранная литература», станет небольшая статья Л. Симонян «От имени поколения»^[20]. Там впервые на русском языке предпринимается попытка включить творчество писателя в контекст его поколения и назвать это поколение, о чем, собственно, говорит заглавие статьи. Л. Симонян, ссылаясь на западногерманскую журналистику, указывает на то, что Генрих Белль принадлежит к поколению «немых», то есть того «поколения немцев, которое с детства предназначалось главарями фашистской Германии в солдаты» [20, с. 191].

Что же привлекает внимание автора статьи в творчестве одного из авторов «немного» поколения? В первую очередь, то, что «Белль ненавидит ложь потому, что любит обыкновенных людей. <...> Ради них и вместе с ними он ищет правду» [20, с. 190].

В контекст литературы поколения, только что вернувшегося с войны, вписывает литератора и работа И. М. Фрадкина «Литература новой Германии»: «Черты сходства — прежде всего идейно-тематического — между литературой «поколения вернувшихся» и писателями «потерянного поколения» несомненны [21, с. 188]. Так поколение ровесников Белля получает в русском языке еще одно наименование — «поколение вернувшихся» Поскольку книга посвящена не конкретно одному писателю, а литературной ситуации Германии с 1945 по 1958 год, то И. М. Фрадкин говорит о свойствах, характерных для всего поколения в целом.

О возникновении литературы этого поколения, естественно, вписывая туда и фигуру Генриха Белля, пишет и Л. З. Копелев: «Так, из постоянных мучительных воспоминаний о войне, из настойчивых стремлений понять, объяснить себе и другим причины и уроки беспримерной катастрофы, обрушившейся на Германию, и, наконец, из необходимости хоть как-то противостоять нарастающей угрозе новой войны в Западной Германии возникла целая литература» [11, с. 6].

Интересно, что все попытки назвать поколение, к которому Белль принадлежит как писатель, происходят практически в одно и то же время: статья Л. Копелева первым изданием выходит в 1957–58 году, тогда же появляется текст Л. Симонян, в том же году подписывается к печати книга И. М. Фрадкина.

Следующим произведением Белля, вышедшим в Союзе, станет роман «И не сказал ни единого слова», впервые переведенный и опубликованный отдельной книгой в 1957 и еще раз в 1959 годах, и повесть «Хлеб ранних лет» — перевод и первая публикация 1958 год.

Отзыв на оба произведения опубликует в августовском номере за 1958 год журнал «Новый мир». Рецензия Е. Босняцкого будет называться «Поиски ненависти»^[8]. Называя Генриха Белля в создании романов о «безысходном отчаянии рядового труженика капиталистического города» последователем Ганса Фаллады, Е. Босняцкий говорит о том, что основная тема обоих произведений — осознание собственной ненависти к «людям, владеющим огромными домами, где живут собаки и куда не пускают детей; ненависти к тем, кто рядом со словом «бог» пишет и говорит слово «деньги»...» [8, с. 248]. Автор отзыва не делает никаких выводов о том, почему нашему читателю должны быть близки и интересны представленные тексты, — жанр литературного обзора этого и не предполагает.

Такой вывод сделает Т. Л. Мотылева в предисловии к очередному впервые переведенному и публикуемому на русском языке роману «Дом без хозяина». С ее точки зрения, основная тема и этого романа — ненависть к войне. Т. Л. Мотылева, как и Е. Босняцкий, увидит в ненависти к подлости, жадности, власти и сочувствии к бедному, отнюдь не идеальному, но очень живому и человечному герою-рассказчику то, что привлекает советского читателя к тексту: «От первой и до последней страницы книга одушевлена горячей ненавистью к войне и ее поджигателям, самым искренним сочувствием к трудящимся и обездоленным людям, любовью к подрастающему поколению и тревогой за его будущее. Все это, несомненно, привлечет к роману Генриха Белля внимание советского читателя» [18, с. 15].

Этот код прочтения позволяет в рассматриваемое десятилетие каждый год публиковать в Советском союзе новые тексты немецкого писателя. Так в 1959 году журнал «Иностранная литература» опубликовал сатирические рассказы «Не только под Рождество», «Столичный дневник», «Что-то произойдет» в переводе С. Фридлянда [5] уже как тексты хорошо знакомого писателя, без каких-либо вступительных слов. Эта публикация интересна тем, что последний рассказ, «Что-то произойдет», шесть лет спустя вновь опубликует журнал «Знамя» [3]. Рассказ выйдет в другом, с точки зрения качества языка перевода, — существенно лучшем переводе и будет называться «Надо что-то делать» (Рассказ о бурной деятельности).

Кажется, что разговор о том, как приходил в СССР Генрих Белль, нельзя начинать, не упоминая о филологе-германисте, переводчике, друге Белля, Льве Зиновьевиче Копелеве. Его разбор романа “Und sagte kein einziges wort” («И не сказал ни единого слова») станет наиболее ярким, точным и при этом очень доброжелательным анализом всего опубликованного у нас к моменту выхода романа творчества писателя. Это косвенно подтвердится потом С. В. Рожновским: Л. Копелев будет единственным советским исследователем, с которым будет спорить автор первой русскоязычной монографии о Генрихе Белле [19, с. 46].

Л. Копелев, конечно, в своих статьях, посвященных беллевскому творчеству, тоже будет пытаться понять, чем же так близок советскому читателю этот немецкий писатель? Собственно ответ на этот вопрос и будет косвенно сформулирован в предисловиях к двум изданиям романа: «И в этом проблеске надежды — не иллюзорной, не придуманной, а почерпнутой из конкретной действительности — новое идейное и эстетическое качество творчества Белля, проясняющее и согревающее безрадостные, тоскливые картины изображаемого им мира» [12; 13 с. 16]. Прямо же ответ на вопрос: «Что привлекает советских людей в творчестве талантливого западногерманского писателя?» — Лев Копелев ответит в статье «Во имя совести», опубликованной в 1962 году июньским номером журнала «Культура и жизнь». Привлекательным, по мнению германиста-исследователя, будет «не только яркое своеобразное дарование художника — мастера живописной лирической прозы и блестящего сатирика, но прежде всего воплощенный в его произведениях благородный нравственный облик настоящего человеколюбца, убежденного антифашиста, непримиримого противника немецкого милитаризма во всех его проявлениях» [16, с. 27].

В том же 1962 году выйдет первый том «Краткой литературной энциклопедии», где статья, посвященная Генриху Беллю, будет написана Львом Копелевым. Она подводит первый итог прочтения произведений Генриха Белля в СССР. В ней перечислены те тексты, то главное, чем и стал известен немецкий писатель в Советском Союзе. Писатель характеризуется как автор сатирических и лирических рассказов и повестей, важнейшей идеей которых будет антивоенный пафос.

Жанр энциклопедической статьи не позволяет давать объемных и сложных характеристик. Чтобы точнее понять какой пафос имеет в виду Лев Копелев, необходимо посмотреть те литературоведческие работы, на которые опирался сам автор. Одна из таких работ — книга И. М. Фрадкина, где исследователь отмечает: «Иной характер <Второй мировой> войны ставил перед ее участниками и иные проблемы, и, в частности, заставлял их занять определенную позицию по отношению к гитлеризму» [21, с. 191]. Собственно именно эта сложность и необходимость выбора, по малолетству сделанного практически бездумно, и превращает, как отмечает Л. Копе-

лев, солдат — «трогательно-беспомощных, убиваемых и калечимых, еще живущих по привычке в мире школьных ассоциаций детей в солдатских шинелях, изображенных Беллем», — в «тщетно пытающихся спастись, пассивно сопротивляющихся» [15, с. 511] и поэтому погибающих.

Антитетичные героям рассказов качества выделяет автор статьи в довоенной биографии самого Г. Белля. Сам писатель, осознанно уклоняясь от армии, как ранее уклонялся от вступления в Гитлерюгенд, работал столяром, служил в книжном магазине. Этот момент осознанного выбора позже в своей книге отметит и С. В. Рожновский.

Романное творчество Белля, а к моменту выхода соответствующего тома энциклопедии на русском языке вышли уже 4 романа (надо отметить, что сам Л. Копелев выделяет только 3 романных текста, относя «Где ты был, Адам?» к повестям. Последовательно были опубликованы: «И не сказал ни единого слова» (1953/1958), «Дом без хозяина» (1954/1959), «Где ты был, Адам?» (1951/1963) и «Бильярд в половине десятого» (1959/1961)), в соответствии с жанром энциклопедической статьи охарактеризовано очень кратко, но особо отмечена одна из самых ярких особенностей беллевской стилистики: «поэтичная музыкальность» прозы. Завершает статью очень верное, как представляется, замечание о темах юношества (детства) и будущего Германии, в своей неразрывности только еще зазвучавших в опубликованных и в ФРГ и в СССР произведениях. В дальнейшем творчестве Генриха Белля тема будущего часто будет связана именно с тем выбором, который предстоит сделать совсем юным его героям.

Надо отметить, что не все из перечисленного в статье наследия писателя переиздавалось потом одинаково часто. Так из упомянутых там трех сборников сатирических новелл «И настал вечер и настало утро», «Нежданные гости» и «Молчание доктора Мурке» многократно переиздавался только последний.

Завершают первые десять лет чтения и комментирования произведений Белля в СССР два абсолютно противоположных по своей стилистике и тональности предисловия: одно, к сборнику рассказов «Город привычных лиц», написано Л. В. Гинзбургом, другое, написанное к только что вышедшему впервые в Союзе роману «Глазами клоуна» Миколой Бажаном. Разница отношения и метода слышна даже при сравнении заглавии каждого из предисловий. «Добрый человек из Кельна» назовет свою статью Лев Гинзбург, «Глазами гнева» даст заголовок Микола Бажан.

Для Л. В. Гинзбурга суть рассказов Генриха Белля, «главную идею составляют доброта и гуманность, глубоко выстраданные, а не показное сочувствие к людям, желание, чтобы они были счастливы, чтобы поскорей избавились от того «дерьма», которому уже столько лет, что можно сбиться со счета» [9, с. 8]. Но для Гинзбурга, как и для практически всех авторов, комментирующих в эти 10 лет прозу Белля будет важно, чтобы «... и они (сегодняшние, рекруты, призывники и солдаты бундесвера так похожие на совсем молодых обреченных на смерть героев ранних рассказов писателя) и их дети пусть помнят грозный урок, пусть страшатся вновь приходиться с оружием в руках на чужую землю, пусть не молчат, когда их уговаривают искать «славу Германии» и «жизненное пространство» за границами своей страны. Чем все это кончается, показал Генрих Белль» [9, с. 6].

На фоне всех текстов, посвященных Беллю в эти годы, особо выделяется стилистика Миколы Бажана: «Страшной ценою страдания и смерти заплатило челове-

чество за неудавшуюся попытку немецкого империализма прорваться к мировому господству. <...> Вот почему советский читатель особенно внимательно присматривается к общественным процессам, которые протекают в тех местах, где зреет опасность. Таким местом и являются земли на берегах Рейна. Коричневая чума притаилась в складках их зеленых холмов, под черепичными крышами их идиллических поселков, в казармах, особняках и залах их богатых городов. Хозяева боннского государства заботятся о питательном бульоне для микробов фашистской коричневой чумы, но сварить этот бульон не так-то просто. Смерд варева не утаишь. <...> Он будит гнев, он вызывает отвращение. Этого отвращения не скрывают все честные люди Федеративной Республики Германии». Собственно, если все вышесказанное перевести на обычный язык, то идея будет схожа с мыслями Льва Гинзбурга. Такое сходство лишний раз подчеркивает тот общий для большинства читающей публики Союза комплекс идей, который вычитывал очень разный читатель в творчестве Белля» [1].

Первые десять лет чтения творчества Генриха Белля в СССР завершатся выходом первой (и пока единственной в СССР и России) монографии, посвященной его творчеству. Автор ее, С. В. Рожновский, филолог-германист и литературовед, подробно разбирая практически все важнейшее из опубликованного к тому времени творчества писателя приходит к выводу, наверное, в большей степени характеризующему его именно как человека, которому хочется верить, за которым хочется идти: «Большой талант, бескомпромиссность и честность, правдивость и внимание к человеческой жизни, жизни современников, смелые художественные поиски поставили Генриха Белля в ряд крупнейших имен немецкой литературы» [19, с. 102].

Наиболее часто обсуждаемыми в первые десять лет публикации произведений Генриха Белля в Советском Союзе, вероятно, будут вопросы о художественном методе и основных художественных приемах, преемственности той или иной литературной традиции, теме; типологизации героя.

Вопрос о художественном методе писателя возник в год публикации в СССР его первой отдельной книги — романа «И не сказал ни единого слова» (1957).

Т. Мотылева, статья которой опубликована в № 5 «Нового мира» за 1957 год, скажет, характеризуя различные грани современной литературы критического реализма на Западе, что «не следует недооценивать книги, где — пусть и без революционных выводов — правдиво освещается и осуждается варварство империализма — от романа Хемингуэя «Прощай оружие» и первых вещей Ремарка, до новых повестей западногерманских прозаиков, например, Генриха Белля...» [17, с. 207]. Этот разговор будет продолжен исследовательницей в предисловии к только что вышедшему в 1960 году роману «Дом без хозяина», где реализм писателя обосновывается, в частности, тем, что «он видит общественную обусловленность судеб и характеров» [18, с. 6]. Собственно, вопрос о методе поднимался и С. Рожновским, и Л. Копелевым, и Л. Гинзбургом, и И. Фрадкиным. Но все эти исследователи не называли метод Белля ни реализмом, ни модернизмом, ни еще как-нибудь. В их работах определение беллевской методологии присутствует имплицитно: не как Кафка, как Хемингуэй, Ремарк; или почти как Достоевский, Толстой, Келлерман. Так творчество Белля каждый раз оказывается вписанным в контекст той или иной литературной традиции. Если же говорить именно об эксплицитной характеристике художественного метода, то она наиболее полно представлена именно в статьях Т. Мотылевой.

Л. Симонян, рассматривая первый сборник рассказов «Путник, когда ты придешь в Спа...» и роман «Где ты был, Адам», тоже не назовет художественного метода, а просто отметит, что «Генрих Белль — писатель трагедийного мироощущения; таким его сформировала германская действительность последних десятилетий. Это не противоречит склонности к гротеску, свойственной Беллю. В его творчестве гротеск нередко оказывается художественным приемом, благодаря которому трагедийное начало выявляется с большей силой» [20, с. 192]. Вслед за Л. Симонян об элементе гротеска в романе «Где ты был, Адам?» будет говорить и И. Фрадкин. Наиболее жестко о методе писателя, использованном в этом романе выскажется С. Рожновский, который отметит, что «... в этом антивоенном выступлении у Белля совершенно явственно проступает слабая сторона его взглядов. Развивая мысль о том, что система фашистского государства душит человека, он сползает на экзистенциалистскую трактовку этого вопроса. Экзистенциалистская формула становится у него универсальным ключом для любых случаев отношения человека и общества, и личность героя мерилom любого общественного явления» [19, с. 24].

В чем-то мысль Л. Симонян продолжает и размышление Л. Копелева: «Белль никогда сам не высказывается на страницах своих произведений, ни к чему не призывает. Ему чужда какая бы то ни было рисовка; автор явно и настойчиво самоустраивается, словно бы тщательно, кропотливо записывает мысли ощущения, речь своих героев. <...> Но в том, что и как они думают и говорят, в том, какие обстоятельства их жизни и взаимоотношений выступают на первый план, становятся движущими причинами событий и конфликтов, проявляется вполне определенное отношение писателя к проблемам своих произведений» [11, с. 10].

Основной темой творчества Белля этих лет, помимо глобальной темы войны, и Л. Копелев, и Л. Гинзбург, и С. Рожновский будут называть тему «маленького человека». Как скажет Лев Гинзбург: «Так называемый «маленький человек», обездоленный войной, оказался обездоленным и в послевоенное время. Его крохотные радости призрачны, его одиночество безмерно, и окружают его всеобщая мелочность и равнодушие» [10, с. 7].

Подводя итоги, хочется отметить, что именно для первых десяти лет чтения Белля в нашей стране сложился образ человека совестливого, порядочного, не уstraняющегося от социальных проблем, но при этом очень лирично пишущего об обычном человеке. То есть гражданская позиция писателя оказалась востребованной, но не в меньшей степени оказался востребовано его глубокое понимание человеческих ожиданий, чувств, мыслей. характерно человеческое, в хорошем смысле предвзятое отношение к нему и к его героям.

Такое глубоко личностное отношение, вероятно, было связано не только и не столько с воспитанием реалистического взгляда на мир у советского человека, сколько потребностью в первую очередь понять, как живут люди там, за бывшим железным занавесом, попробовать их понять, а может, и найти друзей и единомышленников здесь и сейчас. Именно такой позицией, на мой взгляд, обусловлены заголовки статей, сопровождающие и представляющие эти 10 лет публикации произведений писателя.

Представляется важным и еще один момент: искренность, глубина и постоянство антифашистской позиции Генриха Белля помогли снова понять и почувствовать, что победа над фашизмом была нужна, что это — истинная ценность.

Интересно, что практически весь основной корпус литературоведческих работ, анализирующих творчество этого немецкого писателя, и появится после 1965 года, когда изменится взгляд на мир в Советском Союзе, и активная жизненная и гражданская позиции в силу различных причин станут ненужными или невозможными. Вот тогда и придет пора осмысления текста как кода; художественного, эстетического аспекта произведений Генриха Белля.

Литература

1. Бажан М. Глазами гнева // Белль Г. Глазами клоуна. М.: Прогресс, 1965. С. 5–6.
2. Белль Г. Где ты был, Адам? М.: Гослитиздат, 1963.
3. Белль Г. Надо что-то делать // Знамя 1965. № 2. С. 134–137.
4. Белль Г. Почтовая открытка. Веса Балеков / Пер. Л. Черной и Д. Мельникова // Новый мир. 1956 № 4. С. 175–184.
5. Белль Г. Сагирические рассказы // Иностранная литература, 1959. № 6. С. 77–100.
6. Белль Г. Хлеб ранних лет. М.: Иностранная литература, 1958.
7. Болль Г. Весьма дорогая нога. В защиту мира. 1952. № 10. С. 48–50
8. Босняцкий Е. Г. Поиски ненависти // Новый мир. 1958. № 8. С. 247–251.
9. Гинзбург Л. В. // Белль Г. Город привычных лиц. М.: Молодая гвардия. 1965. С. 5–10.
10. Гинзбург Л. В. Добрый человек из Кельна // Город привычных лиц. М.: Молодая гвардия, 1965. С. 3–12.
11. Копелев Л. З. В поисках правды и надежды // И не сказал ни единого слова. М.: Иностранная литература, 1959. С. 5–18.
12. Копелев Л. З. Во имя совести // Культура и жизнь. 1962. № 6. С. 27–28.
13. Копелев Л. З. Предисловие // Белль Г. И не сказал ни единого слова. М.: Иностранная литература, 1957.
14. Копелев Л. З. Трудное путешествие Ф. Кафки в Россию // Ф. Кафка. Замок. Роман, рассказы, притчи. Москва: РИФ, 1991 г. С. 380–399.
15. Краткая литературная энциклопедия в 9 томах. Т 1. М.: «Советская энциклопедия», 1962.
16. Культура и жизнь: Ежемес. журн. Всесоюз. о-ва культурной связи с заграницей (ВОКС). М., 1957–1993. Выходит на рус., англ., франц., исп., нем. яз. взамен изд. Бюллетень ВОКС.
17. Мотылева Т. Л. О некоторых вопросах реализма XX века // Иностранная литература. 1957. № 5. С. 204–208.
18. Мотылева Т. Л. Предисловие // Белль Г. Дом без хозяина. М., 1960. С. 4–16.
19. Рожновский С. В. Генрих Белль. М.: Высшая школа, 1965.
20. Симонян Л. От имени поколения // Иностранная литература. 1957. № 5. С. 190–194.
21. Фрадкин И. М. Литература новой Германии. М.: Советский писатель, 1959.

Примечания

- 1 Журн. издается на различных языках. Дир. Пьер Кот; глав. ред. Клод Морган. — [Париж], 1951–1961. На рус. яз. журн. издается в Москве Изд-вом иностр. литературы. На № 12(127) 1961 год изд. прекратилось.
- 2 Ганс Фаллада (*Hans Fallada*, настоящее имя *Rudolf Ditzen* — Рудольф Дитцен) — 21.07.1893 — 05.02.1947.
- 3 Пауль Томас Манн (*Paul Thomas Mann* — 06.06.1875 — 12.08.1955). Лауреат Нобелевской премии по литературе за 1929 год.
- 4 Герхарт Иоганн Роберт Гауптман (*Gerhart Johann Robert Hauptmann*; 15.11.1862 — 06.06.1946). Лауреат Нобелевской премии по литературе за 1912 год.